
Философия, социология и культурология

УДК 1(091)

ФИЛОСОФИЯ И РИТОРИКА

С.Б. Степаненко

Томский государственный университет
E-mail: sbst@mail.ru

Рассматривается традиционное (платоновское) противопоставление философии и риторики и его трансформация в современной философии. Отношение между философией и риторикой связано с их внутренним взаимодействием, которое определяет, в том числе, и образ самой философии.

Отношение философии к риторике — примечательный признак, характеризующий саму философию. Это общее положение, развитое, в частности, в работе Б. Кассен «Эффект софистики» [1], позволяет по-новому обозначить трансформацию современной философии и связанную с ней модификацию традиционных философских концептов. И если исторически риторика оказывалась для философии реальным или условным противником, в идеологической борьбе с которым конституировалось самопонимание философии, то после так называемого «лингвистического поворота» риторическое получает шанс быть осмысленным в философии как универсальное измерение мысли.

Исторически антириторичность — под лозунгом защиты вещей от слов — оказывалась существенным моментом самоидентификации философии. Риторика была необходимой философии как противоположность (не-философия). В античности именно эти две дисциплины стали конкурентами в борьбе за социальное признание и право истолковывать действительность. Понятно, что необходимый для самоконституирования философии образ риторики вырабатывался специально — в результате сгущения и направленной модификации аспектов реальной риторики. Но в нашем вопросе об отношении философии к риторике это почти ничего не меняет. Неважно, что образ риторики сформирован философией, а риторика может интерпретироваться как-то иначе. Важно, что иная интерпретация риторики невозможна без иной же самоидентификации философии.

Как известно, в 7-й книге «Государства» Платон предлагает изгнать риторов и поэтов. Ритора, по

Платону, не интересует ни бытие, ни истина. Он заботится исключительно о видимости и согласованности мнений. Нетрудно дополнить образ оратора другим этическим дефектом — ритор потакает заблуждениям публики, поскольку это способствует успеху речи. Для Платона образ риторики становится, по выражению Б. Кассен, обозначением «нефилософского поведения». В «Федре» (речь Сократа о любви против Лисия) Платон предлагает также философскую альтернативу риторике. Здесь говорится об истинном красноречии — таком способе убеждения, который умерен в выборе средств воздействия на слушателей и основан на подлинном знании. Однако подобного рода красноречие попросту совпадет с философией. Его ориентиры — предмет, идея, истина, которые нужно просто воспринять и выразить, не замутнив при словесной передаче. Так намечается ставшая затем классической оппозиция философии и риторики. На стороне философии — вещи, истины, знание. На стороне риторики — слова, кажимость, мнения.

Унаследованное Платоном от Парменида различие знания и мнения, истины и кажимости направляется против риторики, точно также как и платоновская теория двух миров (чувственного и интеллигибельного). С помощью этих противопоставлений создается и осмысливается сама оппозиция философии и риторики, а в пределах этой оппозиции узаконивается превосходство философии. Платоновское противопоставление двух миров применительно к риторике означает: либо риторика не нужна, либо она вредна. В самом деле, у риторики два пути — либо она украшает уже готовую истину (в таком случае она для истины излишня),

либо она заменяет истину кажимостью и тогда становится опасной. Между прочим, опасной она становится в любом случае: даже в качестве украшения, чувственного дополнения к сверхчувственной идее она вполне может отвлечь на себя внимание и стать автономной.

Еще одно противопоставление, которое предполагается платоновской теорией двух миров, касается языка. Для Платона (как, впрочем, и для всей классической философии вплоть до Э. Гуссерля) язык — это только инструмент мысли, средство ее выражения. Тогда как истина не зависит от языка и открывается лишь умозрению. Таким образом, появляется еще одна оппозиция, которую можно добавить к обычным противоположностям платоновской теории двух миров — это оппозиция истины и языка. До тех пор пока риторика трактуется в рамках данной оппозиции, она будет вечной противоположностью философии. Классическая философия сохраняет платоновское противопоставление истины и языка и его подпитывает. Истина требует интенции, но никак не языка. Истину открывают, находят уже готовой, она существует вне времени и не причастна никакому изменению. Истина — это истина вещей, но не слов, тогда как слова — инструмент, выражающий то, что уже открыто в вещах. Все что нужно от слов это приспособиться к истине, быть ее адекватным выражением. В том случае если слова встают на место вещей и язык обращает на себя внимание, говорят либо о насилии слов над мыслью, либо о пустых словах или бессодержательном мышлении.

Долгое время именно эти платоновские по духу оппозиции — слов и вещей, истины и языка — мешали осознать родство философии и риторики. В частности, они закрывали то обстоятельство, что философ также находится в риторикогенной ситуации — ему надо убедить себя и других, и единственное, что у него есть — это язык и риторические приемы. Даже призыв к нейтральности слов, призыв «к самим вещам» — тоже риторический. Даже та оппозиция, в которую в платоновской философии оказались помещенными философия и риторика, есть также оппозиция риторическая, словесная.

Несколько отвлекаясь от нашей основной темы, укажем также на некоторые аспекты самой риторики, которые — в случае их односторонней интерпретации — могли способствовать утверждению описанного нами противопоставления риторики и философии.

Первое и самое очевидное обстоятельство — существование уже в античности двух определений (и направлений) риторики. Согласно первому определению, риторика — наука об убеждающей речи (условно: линия Демосфена). Согласно второму определению, риторика — искусство красиво говорить (условно: линия Квинтилиана). Исторический переход от «риторики убеждения» к «риторике украшения» принято трактовать как «вырождение» риторики. Вкратце, история такова: античная

риторика возникла в качестве практической дисциплины, связанной с публичными выступлениями и совещаниями в греческом полисе; с распадом полисной демократии риторика постепенно лишила себя прежних претензий — быть искусством говорить, мыслить и управлять; риторика позднего эллинизма гораздо больше заботится об образности и просодии, чем о составлении аргументов. Множество философских инвектив в адрес риторики обусловлено именно тем, что под риторикой понимается «искусство красиво говорить», а не «искусство говорить убедительно», хотя, как мы увидим, и в качестве теории аргументации риторика оказывается столь же двойственной.

Итак, риторика постепенно исчезла с политического горизонта. А на научном горизонте ее прежде широчайшая предметная область оказалась сведена к одному разделу *Elocutio*, тогда как материал остальных разделов со временем отошел к другим дисциплинам — лингвистике, логике, теории аргументации, психологии, эстетике, стилистике и т. д. Впрочем, и раздел *Elocutio* был впоследствии сведен к своей части — теории тропов, «сокращенной риторике» [2]. Сведение риторики к разделу *Elocutio*, в котором рассматриваются вопросы словесного оформления материала, также способствует утверждению представления о риторике как надстройке, декоративном дополнении мысли. Однако даже в качестве теории тропов риторика вовсе необязательно связана с украшением речи.

Троп — разновидность фигуры, а фигуру в последнее время принято определять через якобсоновское понятие «поэтической функции»: прежде чем показать мир, фигуральная речь обращает наше внимание на само сообщение. Сходным образом определяет фигуру Ж. Женетт, когда говорит о «зигзагообразной денотации». Риторическая фигура задерживает, опосредует денотацию. Правда, семантические и синтаксические фигуры делают это по-разному: метафора и другие тропы — через второе (собственное) значение; параллелизм, инверсия и т. д. — через изменение морфологической или синтаксической конструкции. Подобная интерпретация фигур хорошо подходит для описания их риторического эффекта. Не будучи аргументами, риторические фигуры способствуют убеждению своей выразительностью и изобразительностью. Выразительность создается отклонением (задержкой в денотации), а изобразительность связана с тем, что такое отклонение деавтоматизирует мышление, заставляет нас заново открывать предмет — переоткрывать его вместе со словом.

Но даже после сведения риторики к сфере тропов, она по-прежнему далека от того, чтобы превратиться в описание приемов декорирования речи. Ведь риторически важными оказываются не те случаи, когда автор зашифровывает или украшает, а те, в которых нечто выражается единственно возможным способом. Троп — некоторое приращение смысла, непередаваемое никакими другими сред-

ствами. Более того, троп может быть рассмотрен как универсальный механизм смыслопорождения, как фигура, «изоструктурная механизму творческого сознания как такового» [3].

Еще одним поводом для противопоставления философии и риторики является то, что в любой реальной аргументации можно различить логические и собственно риторические моменты. Так мы получаем понятия логической и риторической аргументации. Целью логической аргументации является полное или частичное обоснование утверждения об истинности или ложности какого-либо высказывания (тезиса). Риторическая аргументация нацелена на убеждение слушателей, склонение их к принятию позиции говорящего. В первом случае (логика) мы обращаем внимание на логическую структуру речи, во втором (риторика) — на ситуацию взаимодействия с аудиторией. Это различие соответствует также выделению в аргументации эпистемического (обоснование истинности) и коммуникативного (убеждение или переубеждение аудитории) моментов. Логическая аргументация оценивает приемлемость какого-либо положения (тезиса), анализируя лишь структуру мысли и отвлекаясь от аудитории, тогда как для риторической аргументации главное — не истинность или ложность сами по себе, а убеждение в тезисе аудитории. А аудиторию убеждают не только строгие доказательства, но и другие — нелогические — средства.

Отсюда следует, что риторическая аргументация шире, чем логическая. Это касается двух моментов — характера тезисов и аргументов, с одной стороны, и характера средств убеждения с другой.

Что касается характера тезисов и аргументов, то данное различие определяется разной ориентацией двух видов аргументации. Логика относится преимущественно к науке, риторика — к общественной жизни. Риторика актуальна там, где решения нужно принимать сейчас, не дожидаясь пока будут получены последние и наиболее надежные данные. Так, например, Цицерон, хотя и считал хорошего оратора философом, все же указывал на одно примечательное различие между ними: оратор не может вести себя как философ и всю жизнь заниматься изучением одного единственного вопроса — оратору необходимо высказаться сейчас, поскольку его дело не терпит отлагательств и представляет общественный интерес. Область риторики — область действий, где нужны обоснованные мнения, но не может быть окончательной очевидности.

Что касается характера средств убеждения, то здесь риторическая аргументация использует дополнительные нелогические средства. К примеру, Аристотель, помимо логических аргументов (логос), выделял еще и доказательства к этосу (авторитет у аудитории, который оратор зарабатывает речью) и пафосу (страстям слушателей). С точки зрения теории доказательства подобные «аргументы» представляют собой ошибки или уловки, подводимые в логике под общую рубрику *argumentum ad ho-*

minem. Однако это еще не значит, что риторика разрешает то, что в логике недопустимо. В риторике не утверждается, что «аргументы к человеку» правильны, в ней лишь говорится о том, что они убедительны, убеждают. Это — во-первых. Во-вторых, исходя из обычных рекомендаций риторики, такие аргументы к человеку не должны подменять собой логической аргументации, они лишь дополняют ее. Очевидно, что обоснование истинности тезиса — не единственное средство убеждения, а потому понятие аргумента в риторике шире, чем в логике.

Однако подобные терминологические разъяснения ничего нам не дадут без прояснения другого обстоятельства.

Тот, кто способен мыслить ясно и отчетливо, не нуждается ни в какой риторике. Это изречение Р. Декарта из его «Рассуждения о методе» лишний раз показывает, что риторика не может быть актуальной для философии (интересовать ее иначе, чем в качестве противника) до тех пор, пока истина понимается как доязыковая очевидность, пока не осознана принципиальная перспективность любого мышления. Искусство убеждения может стать философски значимым и актуальным только тогда, когда в философии утверждается представление о человеке как о конечном существе, которое не располагает ни абсолютными истинами, ни убеждениями, не зависящими от традиции и фактичности унаследованного языка.

Так, по Х. Блюменбергу [4], главный упрек, который можно сделать классической философии от Платона до Э. Гуссерля, состоит в том, что она не уделяла внимания процессуальности истины, средствам ее достижения, направляясь сразу к абсолютным целям. «Риторика создает институции там, где отсутствует очевидность» [4. С. 107]. И далее: «Понять себя в риторическом аспекте означает осознать себя в конечной ситуации, характеризующей побуждением к действию и отсутствием определенной нормы» [4. С. 108]. В этих условиях, считает Х. Блюменберг, «принцип недостаточного основания», фактически провозглашаемый риторикой, рациональнее требования последних оснований.

То, что действительность конституируется благодаря языку — общее место современной лингвистической философии. Представление о перспективности мышления в современную философию ввел Ф. Ницше. И поскольку современная философия отчетливо осознала, что любая нормативность формируется в языке, язык перестает пониматься в ней лишь как средство, а риторическое постепенно начинает трактоваться как универсальное измерение мысли и действия.

Будучи конститутивным моментом мысли, риторическое связано с убеждением, причем не только с убеждением других, но также с самоубеждением: позиция говорящего, его идентичность, никогда не является данной с самого начала — она всегда есть задача. Риторическое убеждение лишь в том случае может пониматься исключительно как

убеждение других, если предполагается, что человек способен обладать истиной заранее — до всякого убеждения.

Будучи конститутивным моментом действия, риторическое связано с первичным оформлением мира, созданием в нем ориентиров и направлений для действий. Единственное, что мешает такому пониманию риторики — стремление найти нечто, что избегает тотального опосредования коммуникацией, будь то платоновский мир идей или сообщество экспертов, на основе научных знаний определяющих то, какой будет практика.

Понятно, что подобная актуализация риторики невозможна без радикальной модификации основных философских понятий. Так, философская актуальность риторики неизменно подчеркивается в современной постмодернистской философии, где она связывается с разрушением или «ослаблением» классического понятия истины.

Характеризуя трансформацию понятия истины, Р. Рорти [5] утверждает, что, начиная с немецкого идеализма, в философии утверждается идея о том, что истина не открывается, а производится. Более полное осознание этого обстоятельства происходит в философии тогда, когда в центре ее внимания оказывается язык: в отличие от мира, истина не находится вовне — она есть свойство предложений, описаний мира. Иллюзия существования критерия, позволяющего говорить о соответствии описаний миру, сохраняется лишь до тех пор, пока наш интерес сосредоточен на единичных суждениях — узость горизонта не позволяет увидеть, что любое суждение при верификации соотносится с уже языковым миром. Однако как только мы обращаем внимание на «словарь в целом», теория корреспонденции сразу теряет убедительность. Как пишет Р. Рорти, «Если понятие «описание мира» сдвигается с уровня предложений, регулируемых в пределах языковых игр каким-либо критерием, на уровень языковых игр как целостностей, игр, между которыми мы не выбираем в соответствии с критерием, тогда представление о том, что мир решает, какое из описаний является истинным, не может больше обладать ясным смыслом» [5. С. 25]. Отсюда вытекает, что гораздо большей культурной ценностью обладает риторическая способность «к разнообразной речи», нежели логическое «умение аргументировать».

Еще одно важное положение, являющееся общим местом в постмодернистской философии, касается понятия языка. Как пишет Барбара Кассен, «Язык не только «выражает» — высказывает то, что я вижу, высказывает то, что есть (феноменология, онтология), — но он действует: как хороший *pharmakon*, он обладает способностью изменять другого или меня самого, а значит, способностью творить, создавая мир эффекта» [1. С. 152].

Б. Кассен связывает данный тезис с мыслью Ж. Лакана о том, что бытие есть «эффект речи». «Бытие есть факт высказывания: это означает просто-напросто, что «не существует никакой додис-

курсивной реальности» [1. С. 153]. Однако представляется крайне важным уточнить данное положение, поскольку оно с легкостью может трактоваться следующим образом: «бытие есть лишь эффект речи». В этом случае отношение между языком и реальностью обращается, переворачивается, но не переосмысливается по существу. Если раньше язык соизмерялся с бытием (фетишизация онтологии), то теперь фетишизируется сам язык. Если в классической философии истина и бытие понимаются статически, то теперь их делает таковыми эффект речи. Однако простой инверсии здесь совершенно недостаточно. Представляется, что неотделимость мира от языка следует трактовать иначе — как указание на их динамический характер: истина, бытие и язык одинаково совершаются.

Более подходящим примером модификации понятий классической философии представляется подход, развитый в герменевтической философии, где структура истолкования понимается как универсальная, а язык становится измерением самих вещей. Истина более не противостоит языку, а становится языковым свершением.

Вместо оппозиции, у М. Хайдеггера и Х.-Г. Гадамера мы встречаемся с тем, что истина, предмет и язык это в некотором смысле одно. Если теории корреспонденции соответствует понятие языка как средства сообщения и обозначения, то герменевтической истине соответствует иное, неинструментальное понятие языка. И такая смена перспектив связана с параллельной модификацией основных понятий философии.

Отношение между риторикой и философской герменевтикой — отдельная тема, которую в данной статье я не стану рассматривать. Приведу лишь несколько замечаний по поводу необходимости переосмысления классической оппозиции герменевтики и риторики.

Традиционно риторика и герменевтика противопоставлялись по линии «создание текста/понимание текста». Риторика рассматривалась как наука о порождении текста, герменевтика — как наука о понимании текста. У этих дисциплин разные адресаты: риторика обращается к говорящему, герменевтика — к слушателю, читателю.

Однако применительно к современной философской герменевтике эта оппозиция должна быть определенным образом модифицирована. Во-первых, понимание, точно также как и создание текста, носит активный характер. Парадоксальным образом, понимание остается творческим даже в качестве претерпевания. Во-вторых, создание текста — это также понимание и истолкование. Рассказывая, я не обязательно выражаю какое-то готовое содержание — этот случай нельзя признать риторическим. Риторически значимой является такая ситуация, когда, рассказывая, я одновременно истолковываю вещи, и понимаю себя. Как в герменевтике, так и в риторике мы одинаково имеем дело с пониманием ситуации и самопониманием.

Еще один аспект философской актуальности риторики, на который хотелось бы обратить внимание в заключении, связан непосредственно с вопросом о предмете философии. В качестве такого предмета может быть рассмотрен единый мир – в противоположность частным мирам. Существуют отличающиеся друг от друга частные миры – студентов, преподавателей, собирателей марок и автолюбителей. Мир науки – один из таких частных миров, хотя и особый, претендующий на статус единственного,

«истинного» мира. Однако возможность философии связана с выходом за пределы частных миров к миру универсальному. Такой мир не может быть ни одним из частных миров, ни суммой этих миров. Это может быть только горизонт, вырастающий из частных миров в процессе их трансцендирования, которое принципиально возможно в любой коммуникации. Именно в качестве рефлексии над опытом такой коммуникации философия неизбежно оказывается обращенной к сфере риторического.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кассен Б. Эффект софистики. – М.–СПб.: Университетская книга, 2000. – 240 с.
2. Женетт Ж. Фигуры. В 2-х томах. Т. 2. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 472 с.
3. Лотман Ю.В. Риторика // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 515. – Тарту: Изд-во Тартуского гос. ун-та, 1981. – С. 8–28.
4. Блюменберг Х. Антропологическое приближение к актуальности риторики // Это человек. Антология. – М.: Просвещение, 1995. – С. 101–123.
5. Рорти Р. Случайность, ирония, солидарность. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996. – 282 с.

Поступила 08.11.2006 г.

УДК 1(091)(470)

РОЛЬ ОБЩИХ ПОНЯТИЙ И МЕТАФИЗИЧЕСКИХ ИДЕЙ В ПОНИМАНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

О.В. Ботьева

Томский политехнический университет
E-mail: olga-boteva@mail.ru

Показана невозможность образования общего понятия исторического развития. Общих понятий вследствие разнообразия исторического материала может быть бесчисленное количество. Общее понятие – лишь одно среди многих. Для понимания единства исторического развития необходимы идеи. Если общие понятия создаются самим человеком, то идеи познаются умственным созерцанием, которое возможно как внутреннее воздействие на познающего идеальных существ. Идеи помогут охватить историю как целое, позволят увидеть не будущее, но конец истории и эволюции.

П.А. Сорокин справедливо отмечает, что схемы всемирно-исторического прогресса столь же разнообразны, как и интересы их создателей. Одних больше всего интересует прогресс антропологический, других – экономический, третьих – интеллектуальный, четвертых – моральный, пятых – политический. Одни выдвигают в качестве решающего фактора «социальной эволюции» «географические и климатические условия: климат, флору, фауну, ту или иную конфигурацию земной поверхности – горы, моря и т. д. (Л. Мечников, Ратцель, Мужоль, Маттеуци и др.); другие – чисто этнические условия, главным образом, борьбу рас (Гумплович, Гобино, Амон и др.); третьи – чисто биологические факторы: борьбу за существование, рост населения и др. (М. Ковалевский, Коста и др.); иные – экономические факторы и классовую борьбу (марксизм); многие, едва ли не большинство, – интеллектуальный фактор: рост и развитие человеческого разума в различных формах – в форме аналитических, чисто научных знаний (Де-Роберти, П. Лавров), в

форме изобретений (Г. Тард); некоторые выдвигают в качестве такого основного фактора свойственное человеку, как и всякому организму, стремление к наслаждению и избегание страданий (Л. Уорд, Паттэн); иные – разделение общественного труда (Дюркгейм и отчасти Зиммель) и т. д.» [1. С. 522]. Социальная наука, по мнению Сорокина, чуть ли не вся ушла в область изучения эволюции общества, социального прогресса. Большинство исследователей общества, начиная с самого О. Конта, работало почти исключительно в сфере социальной динамики.

По мнению П.А. Сорокина основной недостаток концепций прогресса заключался в отсутствии в них общего понятия развития. Общественное развитие понималось по-разному, социальная наука, несмотря на все усилия, не выработала точного определения понятия общественного развития. В этой области существовало досадное разномыслие. «Если бы эволюция и прогресс были живыми существами, то, право, пришлось бы их пожалеть. Го-